

АННА И АНДРЕЙ
ПТИЦИНЫ

ІСТАМБУЛ

Андрей Птицин
Істамбул

«Accent Graphics communications»

2012

Птицин А.

Истамбул / А. Птицин — «Accent Graphics communications», 2012

Эта книга – о России. И не только о ней и о её последних царственных отпрысках, но и о нас с вами. О прошлом, о будущем и, конечно, о настоящем нашей многострадальной родины. Можно ли интересно писать о русской истории? А о мировой истории? Да и нужно ли – ведь всё давно уже написано. Энциклопедии, учебники... скучно. Но то, ЧТО и КАК БЫЛО, многократно превосходит по интересу, по накалу страстей и эмоций то, ЧТО НАПИСАНО и мёртвой петлёй зажато в тисках официальной версии истории. Мировой версии. Где России отведена постыдная роль отсталой громадины, несправедливо обладающей богатыми ресурсами, с населением во многом ущербным, пьяным, тупым и агрессивным. Это не наша вина, но это и не беда. Ведь мы в состоянии понять многое, если захотим. И мы поймём многое, пусть даже какие-то силы упорно не хотят допустить этого. Мы поймём. ЕСЛИ ЗАХОТИМ.

© Птицин А., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

1	5
2	11
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна и Андрей Птицины

Истамбул

Анатолию Тимофеевичу Ф., Глебу Владимировичу Н. в знак искреннего уважения

1

Сквозь сон Саше показалось, что Валера с кем-то разговаривает. Голосов несколько, звучат приглушённо, но голос хозяина явно чем-то недоволен, даже раздражён.

«Нет, видно, покоя и тишины нет нигде, даже здесь, в полузаброшенном людьми и богом посёлке. И чего шумят?» – Саша перевернулся на другой бок, накрыл голову подушкой и попытался не упустить ниточку только что снившегося сна, как будто она могла снова втянуть его в царство Морфея.

Они с Валерой уже два дня прожили в этом посёлке, расположенном хоть и недалеко от города, но на значительном расстоянии от трассы и потому кажущимся чуть ли не уголком из мира прошлого, из мира давно ушедших в небытие предков. Леса, озёра, речушки; холмы, распаханые под поля, но частично уже заброшенные и заросшие бурьяном и вездесущим кустарником. Красота – необыкновенная. А, может быть, как раз и обыкновенная. Наша нормальная, привычная с детства, неброская, но такая притягательная и животворная красота родной природы. Наша природа не кричит о себе яркими красками или вычурными формами – а зачем? Тот, кто способен услышать шорох листа или уловить едва заметную полынную горчинку в дуновении ветра, не нуждается в особом приглашении, чтобы восхититься окружающим.

Какие у нас просторы... Какая ширь, высь... Какая синева... Синева, льющаяся с неба, и синева, отражающаяся в прохладных водах заросших осокой прудов, неторопливых речушек, спокойно распластавших свои зеркала озёр... Есть ли где ещё в мире такой размах? Такое величие в простом, такая горделивость в обыденном, такая нежность, скромность, ненавязчивость, гармония, порождающие щемящее чувство сопричастности чуду?

Саше эти места были знакомы с детства. Здесь жила его бабушка, у которой они с сестрой проводили все каникулы. Здесь у него появились первые надёжные друзья, первая любовь. Та любовь, о которой никто никогда не знал и никогда не узнает – это своё, личное, о чём не должна знать даже Сашка-сестра, с которой он делился всем и не представлял, как можно жить иначе.

Конечно, это не была любовь в привычном теперь понятии об интимных отношениях мужчины и женщины. Это было что-то... что-то сродни тому же чуду, которым дышит всё вокруг в природе, не затронутой грубыми лапами так называемой цивилизации. Первые волнения в груди от улыбки, запаха, громкого голоса прелестного создания с ямочками на щеках. Ощущение неописуемого удовольствия от ударов крепких кулачков, которыми скуластая девочка мутузит его за развязное и даже грубоватое к себе отношение. Теперь Светик (так он звал её про себя) – уже взрослая тётка. Она и раньше-то была крупнее его, да и старше, а теперь, после того, как у нее родились двое детей, с трудом можно было представить её милым созданием с ямочками на щеках. Саша еле узнал её в автобусе, когда, ещё будучи студентом младшего курса, ехал как-то с занятий и его окликнула, как ему показалось, пожилая бабища. Да... неужели красота и молодость так мимолётны?

Он понял, что уснуть ему не удастся. Воспоминания детства будоражили его, и даже кровь слегка взволновалась, когда ему удалось поймать мимолётный бледный образ «милого

Светика». Да и голоса, как бы он ни закрывался от них, прорывались сквозь вату тяжёлой подушки.

– Блин... неужели не наговорились? – Недовольно бормоча, Саша скинул подушку, потом сел и прислушался. – Да никак там... Э, как бы до драки не дошло!

Зал, в котором до того сдерживаемые голоса уже переходили в крики, находился через одну проходную комнату от спальни Саши. Валерин голос что-то требовал, угрожал, остальные голоса тоже начинали переходить в наступление. Саша прошлёпал в зал, распахивая все двери по пути, и на пороге остановился, зажмурившись и заслоняясь рукой от яркого света.

– Вы что тут... вообще? Спать-то дадите?

– Явление... – Оглянувшись на него Валера.

Но его ироничное словечко не успело ещё даже дозвучать, как на шее у Саши повис какой-то мужик:

– Санёк!!! Вот не ожидал! Ну ни х... себе, Валерик! Ты зачем от меня Сашку прятал? Санёк, Санёк! Я уж и забыл, когда тебя в последний раз видел!

– Толян, ты что ли? – По интонации и по не вполне литературным оборотам речи Саша узнал друга детства.

– А то! Ты, говорят, совсем заучился?

– Ну... знаешь ли.

– Век живи, век учись! Да это я так, не обижайся. Ах, Валерка, теперь-то до меня дошло, что за сюрприз ты мне готовил. Мальчишник, говорит, завтра. Пригласил посидеть по-мужски. А про Санька-то не сказал... ох, вражина...

Привыкнув к свету, Саша разглядел Толяна получше. Это из-за старой облезлой телогрейки он показался ему сначала мужиком. Теперь же, когда под распахнутой верхней одеждой он увидел тщедушное тело в майке и штанах, которые раньше назывались трико, Саша с удивлением и радостью рассмотрел ничуть не изменившегося за годы Тольку Парамонова, его спутника в детских шалостях, его друга и даже его одноклассника, с которым он полгода проучился в сельской школе в 5-м классе, когда мать с подхватившей осложнение Сашкой уехала в санаторий. Теперь даже школы в опустевшем селе нет, а вот Толька, Толян, друг, задира и сквернослов, как был, так и есть здесь – да и куда ему деться? Где родился, там и пригодился – несомненно, в присказке Толяна есть определённый смысл. Саша отметил про себя, что лишь лицо у Толяна стало темнее, да волосы, как всегда всклокоченные, пореже.

– Ты мне зубы не заговаривай. – Остудил радостный пыл Толяна Валерий. – Я ведь видел, как вы через крыльцо сигали. – И показал рукой в сторону соседнего дома.

– Не верит! Ты гляди, Санёк, он нам не верит!!! Мы ему тыщ-щ-щу раз говорили, что мимо проходили.

– Ну хватит! – Громкий голос Валеры не предвещал ничего хорошего. Все знали, что Валера служит в ФСБ и с ним не стоит шутки шутить. Да, свой он, деревенский, но живёт понятиями чести и совести не на словах. – Карманы выворачивай.

– На! На! Не крали мы ничего у твоего соседа! Понял? – Толян распахнул карманы, вытаскивая наружу пустые и в основном рваные карманы. Посыпались крошки, спички, обломки сигарет. – Да и какого... нам делать у Альбертика? У дачника?! Что у него может быть, кроме ржавых лопат да ведёр? И вы выворачивайте! Что стоите? Пусть убедится, что не лазали мы в дом, просто мимо шли.

Два других то ли парня, то ли мужика послушно вывернули карманы и показали пустые руки.

– Санёк, ей богу, шли мы себе мимо, путь сокращали... Ну да, через крыльцо сиганули, ну и что?! А этот...

– Ну... не кипятись, – попробовал остудить Толяна Саша. – Прав Валера, нечего по чужим огородам шастать.

– Да путь сокращали, понимаешь?!

Саша кивнул и неосознанно повторил:

– Понимаю.

Валера же молча развернул Толяна к себе и точным движением руки вытащил у того из внутреннего кармана телогрейки тяжёлый свёрток, обёрнутый в тряпку.

– А, это... это... – Толян с ухмылкой проводил взглядом уплывающий свёрток, а сам с любопытством вытянул шею, когда Валера положил свёрток на стол, освещённый сверху лампой. Незнакомые Саше парни тоже придвинулись к столу.

Саша пошёл за рубашкой, а когда вернулся, то увидел странную картину – все четверо присутствующих, окружив стол, склонили свои головы к центру и сосредоточенно что-то рассматривают, цокая языками и покачивая головами.

– Ну ни... себе... – Затаённый шёпот Толяна неожиданно превратился в хрип. – Это моё.

Его рука первой двинулась к тому, что лежало на столе. Одновременно и другие руки, как по команде, сдвинулись в одну точку, легли друг на друга и попытались перетянуть на себя то, на что они легли.

– Твоё?! – глухо прошипели знакомые парни.

– Наше. Да. Ну, конечно, наше, – поправился Толян.

– Ваше?! – гаркнул Валера.

– Да, и не кричи! – Первым очнулся Толян. – Мы это в земле откопали. Вон там! В темноте даже не разглядели. Видно, на клад напали.

– Какой клад? Тряпка-то – сухая, не в земле это было.

– А в ящике, – сориентировался Толик. – Ящик это... прогнил. Но внутри был проложен чем-то... то ли кожа, то ли ещё что. Да, Миха? Скажи, Серёга, ведь так? Мы с того поля и шли.

От стола все немного отпрянули, всё ещё чуть протягивая к нему руки. Парни, переглянувшись, согласно закивали:

– Ну да, в ящике. Там, за посёлком, в поле.

А Саша в освещённом круге под абажуром увидел то, чего никак не ожидал увидеть здесь, ночью, в маленьком посёлке с замеревшей после окончания дачного сезона жизнью. На пёстрой выцветшей тряпке лежало нечто, бывшее когда-то ценнейшим произведением ювелирного искусства. Несомненно, это было так. Хотя теперь, вероятно, под ударами чего-то тяжёлого, изуродовавшего эту вещь, трудно было предположить вложенный туда ювелирами смысл. Между вмятинами остались элементы тонкого узора, каких-то букв, символов, может быть, даже архитектурных. Что-то важное в информационном смысле было изображено на золотом изделии, когда-то сплошь усеянном драгоценными камнями, от которых остались лишь смятые пустые пазы. Это была то ли камея, то ли огромная подвеска стиля, который в голове у Саши не ассоциировался ни с чем. Ничего подобного ни в музеях, ни в альбомах по искусству Саша никогда не встречал.

– Саня, но ты-то мне веришь? – отвлёк его голос Толяна.

– Да. – Саша сморщился, в душе его всё страдало от тех невосполнимых потерь, которые он с болью видел перед собой на уникальном образце, принадлежащем делу рук человеческих. – Кто же так... грубо... нагло... преступно...

– Ну не мы же! – Толян был возбуждён и суетливо топтался на месте, поглядывая то на золото, то на Сашу, то на замолчавшего и обдумывающего изменившуюся ситуацию Валерия. – Так и было, вот те крест! Мы даже и не разглядели в темноте. Думали, мало ли какая хрень... но чтобы столько золота...

– Это должны осмотреть специалисты, – заявил Саша и придвинул золотое изделие к себе.

– Щ-щ-щас! – разом испуганно вскричали парни, отпихнули Сашу от стола и торопливо обернули золото тряпкой. – Кому-то отдать?! Никаких учёных! Это что, чтобы мы добровольно в музей отдали? Такие деньжищи?!

– Но ведь это история! – попытался перекрыть парней Саша.

– Это золото! Наше золото! Никаких специалистов! Да и что тут можно разглядеть? Нет, нет, не отдадим! Наше!!!

Спорить с деревенскими парнями, уже, наверное, вообразившими себя мгновенно разбогатевшими, было бесполезно. Валера тоже развёл руками, склоняясь к тому, что парни, вероятно, действительно сокращали огородами путь. Чтобы столько золота было спрятано у скромного дачника, представить было трудно. Он отступил от своего первоначального обвинения в воровстве парней, выловленных на соседнем участке, но всё-таки интуитивно, не желая сдавать свои позиции, спросил:

– И где же нынче такие клады находятся?

– Да за ручьём, в поле. Ты помнишь, Саня, где мы любили пескариков таскать? Так недалеко оттуда, чуть на пригорок... Ага? Серый, подтверди.

– Точно. Там и выкопали. Сегодня, – не моргнув глазом, подтвердил тот, кого Толян назвал Серым, т. е. Сергеем.

Саша не вникал ни в объяснения Толяна, ни в обвинения в чём-либо парней профессионально испытывающего здесь правду Валерия. Ему было всё равно, кто, как и где нашёл этот кусок золота, когда-то бывший бесценным произведением искусства. Но ему было не всё равно, куда исчезнут остатки информации, до сих пор сохранившиеся на изделии. Вот-вот золото, уже обёрнутое в тряпку, уплывёт и никогда уже не возникнет перед чьим-либо любопытствующим взором.

– Подождите! Подожди, Толян, – взмолился он в сторону старинного друга.

– Санёк, извини. Никаких учёных, – ответил по-деловому тот, уже поняв, что от Валериных обвинений отделался. – Ты мне хоть и друг...

– Ну подожди! Хоть пару минут...

– Пару минут можно.

– Я сейчас! – Саша вдруг сообразил, что можно попытаться оставить изображение находки хотя бы на бумаге. В рисовании он был не особо силен, а вот сделать оттиск...

Прибежав с несколькими листами чистой бумаги, Саша старательно придавил первый лист к освобождённому от тряпки изделию. Проступили кое-какие контуры. Для большего эффекта Саша подошёл к чуть тёплой со вчерашней топки печке, потёр ладонью о закоптившуюся стенку у дверцы и несколько раз мягко прогладил грязной ладонью бумагу – изображение стало видно лучше, отчётливее. Ещё несколько листов приняли на себя тиснённые изображения разных сторон золотого изделия. Особенно хорошо получился оттиск нижней стороны, наименее пострадавшей от вандализма и сохранившей чёткий рельефный рисунок двуглавого орла.

«Эта вещица достойна того, чтобы принадлежать царской фамилии, – пронеслась мысль в голове у Александра. – Да она, несомненно, и принадлежала особам царского рода! Может быть, это одна из драгоценностей семейной сокровищницы, более чем наполовину утерянной в огне революционной смуты?»

Независимо от мыслей, касающихся текущего момента, в голове Саши уже роились мысли, тормозящие память обо всём, что он знал о судьбе последнего русского царя Николая II и его семьи, расстрелянных в первый год после прихода к власти большевиков. Семья обладала уникальнейшей и богатейшей коллекцией драгоценностей, большинство из которых...

– Сашка!!! Что ты оглаживаешь наше золото, как бабу перед...?

Грубость прозвучавших из Толяновских уст слов не покорила его, а лишь отрезвила:

– Валер, принеси мне, пожалуйста, глины из той ямы, что мы вчера рыли. А?

– Глины? – Удивился Валера, но послушно направился к двери. В том, что касалось исторической ценности, он всецело доверял Сашке, хотя не всегда догонял его мысли.

– Слепок хочу сделать. Подождёшь, Толян?

Пока Валеры не было в доме, Саша взял с Анатолия слово, что тот не будет торопиться с продажей золотого изуродованного изделия. Ведь сдавать такую ценность просто на вес Саше казалось безумием, и он надеялся, что, возможно, ему удастся договориться с каким-нибудь музеем или коллекционером о выкупе изделия, пусть хоть и на вес, но не на переплавку, а на изучение и сохранение.

Два слепка, верхней и нижней части изделия, вскоре были готовы, уложены на разделочные доски, принесённые с кухни, и взгромождены на шкаф. На просушку. И подальше от случайных прикосновений. Да и вообще, прочь из зоны видимости.

Возбуждённые удачей парни ушли. Валера походил туда, сюда, всё ещё не в состоянии отделаться от навязчивой мысли, что парни всё-таки пытались залезть в дом соседа Альберта. Потом махнул рукой, зевнул и ушёл к себе в спальню, напоследок бросив:

– Ты не задерживайся тут, Сань. Ведь завтра-то – не забыл? Выспаться надо.

Саша долго сидел в пустой комнате, дав волю воображению и переводя взгляд от одного чёрного оттиска на бумагах, разложенных на столе, к другому. Потом он сгрёб бумаги вместе и сложил их в ящик того же шкафа, где наверху сушились слепки. Потом он выключил свет и опять присел к столу, где только недавно ещё лежало то, чему место в царском дворце или в музее. За собственными мыслями ему было трудно угнаться, и он понял, что ему чего-то не хватает. А вернее, кого-то.

Он усмехнулся – да, ему не хватает сейчас Сашки. С которой он поругался перед тем, как она улетела на отдых в Египет. Она наотрез отказала ему в совместном отдыхе, сообщив, что у неё, видите ли, девичник. С тётками, с которыми она вместе работает в своём МЧС. Он тогда со злости сказал ей, что проведёт мальчишник. Она рассмеялась и подзадорила:

– Пожалуйста!

А он на следующий день и, между прочим, совершенно случайно встретил Валеру, своего однокурсника по истфаку, теперь служившему в ФСБ. Валерка, узнав о хандре Саши по поводу «предательского» отъезда сестры на отдых, предложил свой отдых, сугубо мужской, в пустующем доме его родителей. И надо же такому оказаться, что Валера был родом из той самой деревни, где проводил когда-то свои каникулы Саша. Пять лет на институтской скамье проучились вместе, а вот не довелось узнать о том, что Валера почти что свой в деревне, куда Александр и Александра уже не ездят, потому что бабушка их давно умерла, а её дом продан.

Случайный отдых порознь с сеструхой, случайная встреча Валеры именно в тот момент, когда она была необходима, случайное совпадение, что Саша помнит ещё кое-кого из опустевшей с годами деревни, а его самого тоже ещё кто-то не забыл, особенно задира и забияка Толян. Тут случай... там случай...

Саша взъерошил пальцами волосы: нет, чепуха какая-то. Подумаешь, совпадение! Вовсе даже и нет. Так, чуть-чуть. Да ведь надо учитывать, что и город-то их небольшой, случайные встречи, в общем-то, и не назовёшь случайными, каждый день кого-то из знакомых, да и увидишь. Только Сашки-то вот всё равно не хватает... Пусть бы она тоже ни фиги не поняла из сплющенного остатка золотого изделия, но её эмоции... её равнодушие...

Саша был уверен, что сестра целиком и полностью встала бы на его сторону в вопросе оценки найденного. Ценность находки, кроме количества граммов или килограммов благородного металла, складывается из чего-то невесомого, чего-то почти мистического, как бы зашифрованного в намеренно изуродованном изделии эпохи Романовых, а может быть даже и более ранней, доромановской эпохи. Саша, как историк, прекрасно знал, что двуглавый имперский

орёл присутствовал в официальной символике задолго до Смутного времени, приведшего к власти новую династию, хотя в официальной науке это почему-то принято не афишировать.

«Ох, Сашка, Сашка, как мне не хватает твоих восторгов... твоего изумления перед прекрасным когда-то произведением искусства... – Александр посмотрел в сторону шкафа, принявшего на хранение изображение чудесной находки деревенских парней и одновременно удивился. – А ведь и тут случайное совпадение. Что если бы я вообще не приехал сюда? Или парни отыскиали бы своё золото в другой день, до или после моего приезда? Да и вообще, они могли пойти совсем другой дорогой, и тогда Валерка бы их... О... нет-нет, благодарю тебя, господин случай, что всё произошло именно так... именно так...»

От такого невероятного нагромождения случайностей Саша пришёл в восторг, обошёл вокруг стола, приблизился к шкафу, но доставать только что изготовленные, ставшие для него дорогими реликвии не стал, а только опять почувствовал отсутствие так необходимой ему в этот момент сестры.

«Сейчас бы с ней рассматривали... обсуждали...»

Но Сашки нет и не будет, она там со своими тётками из МЧС развлекается, а у них с Валерой на завтра назначен мальчишник. Да, да, и они развлекутся... отдохнут... оттянутся...

«Кстати, это будет уже сегодня, – глянув на часы, произнёс про себя Саша. – Спать, спать... да и устал...»

«Однако, каково изделие... невероятно... фантастически... Здесь присутствует тайна... о, тайна... та-а-айна-а-а...»

2

О том, что бывшего русского царя Николая II Романова расстреляли, официально и кратко сообщалось во всех выходящих тогда на территории, подвластной Советам, газетах. Сообщение было напечатано через два дня после расстрела, 19 июля 1918-го года. Ещё через несколько дней почти без боя при спешном отступлении красных сдался Екатеринбург.

Офицеры Белой армии быстро вычислили, в каком доме содержалась арестованная семья Николая II. Вычислили быстро, потому что, судя по всему, просто-напросто отлично об этом знали. Знали и о том, что Советы – в то время как зыбкая, захваченная преступным путём их власть трещит по швам и вот-вот рухнет – уничтожают всех близких и не очень близких родственников Романовых. Произошли безжалостные и жестокие убийства брата царя, сестры царицы, племянников, дядьёв, двоюродных сестёр и братьев – всех, кто не успел или не пожелал покинуть Россию. Неужели кто-то сомневался при всём этом уже развернувшемся кровавом красном терроре, что семью бывшего царя оставят в покое?

Нет, рассчитывать на чьё-либо благородство, когда идёт война, никогда не приходится (хотя исключения, в принципе, могут быть). А рассчитывать на благородство дорвавшейся до власти фактически черни и тем более не придёт на ум ни одному здравомыслящему человеку. Особенно в минуту, когда чернь дрожит от возможного прекращения своего произвола и безнаказанности. Ещё чуть – и отвечать всё же придётся. А потому – уж насытиться властью, чужой кровью, чужим страхом. Насытиться по самое горлышко. Пропади всё пропадом, лишь бы ноги унести вовремя да нахапать побольше! Авось выскользнем, авось выживем, авось в грязных вонючих мешках, но всё же вывезем награбленное!

И ведь выскользнули, и ведь вывезли. И самое парадоксальное – выжили. Хотя парадокс этот, возможно, существует лишь с точки зрения непосвященных. А на самом деле – так и должно было случиться, потому что в очередной раз ввергнуть Россию в смуту, разруху, в очередной раз подтолкнуть к кровавой расправе сына с отцом, брата с братом, заставить людей всюду видеть врагов и заставить людей жить в страхе – вот цель того, кто оплачивал крах поднимающейся на ноги империи. И это – не один человек, не группа заговорщиков, не отдельное государство или альянс государств и даже не масонский (или сионистский – как хотите) заговор, во что упорно находятся желающие верить.

Это – гнусная и, к сожалению, до сих пор несломленная сила – деньги. Деньги, не желающие поступиться ни толикой прибылью. Деньги, играющие судьбами людей и не ставящие их жизни ни в грош, касалось бы это так называемых сильных мира сего, обыкновенного работника или выжившего из ума старика. Деньги, возомнившие себя не только повелителями, но даже и созидателями. А ещё – власть. Несовместимая с простыми человеческими качествами (особенно после того, как перестала переходить по наследству), но такая вожаденная...

Судьба последнего русского царя и его семьи, в общем-то, не волновала никого, кроме горстки преданных лично семье человек. Несколько слуг, доктор, подруга императрицы, офицеры прежней царской, а теперь несуществующей армии. Родственники – не в счёт, они сами либо уже погибли, либо ждут своей участи под арестом. У тех, кто успел эмигрировать, или у зарубежных родственников – своих забот слишком много. Последствия ещё не полностью затушенного пожара Первой мировой войны волнуют их гораздо больше, чем семья того, на ком уже давно поставлен крест.

Россия погибает? Империя рушится? Да гори оно всё поярче! Чем слабее сосед, а тем более такой огромный, как Россия, тем и лучше. Тут даже и денег не жалко – подмаслим и белых, и красных, пусть столкнутся в смертельной схватке. Пусть истребляют друг друга.

Но козыри в этой грязненькой игре всё-таки неплохо было бы повидергать в свою пользу. И вот уже денежный мешок зашевелился, всё ещё скупясь, всё ещё раздумывая: а надо ли? Всё ещё робко прощупывая игру мечущихся в агонии большевиков. Посмеют или не посмеют? Расстреляют или не расстреляют? Всех или одного только царя?

И всё-таки официальное сообщение в газетах о расстреле Николая II потрясло вяло топчущуюся под Екатеринбургом Белую армию. Одним рывком освободили город и окрестности от красных, ворвались в Ипатьевский дом, где томились затворники, – и ужаснулись. Погром, полное отсутствие кого-либо и чего-либо, сломанная мебель, горы хлама во дворе. Среди вороха мятых и грязных бумаг – плотная, аккуратная и толстая книжечка – личная Библия императрицы.

3

Всё начиналось вяло и как бы с неохотой. Парни подтягивались недружно и в основном все были незнакомы Саше. Ночные же знакомцы, Миха с Серёгой, пришли одни, без Толяна.

– Где он? – спросил Александр, имея ввиду Только Парамонова.

– Чуть задержится, – переглянувшись с напарником, сказал Миха. – Его Машка не отпустила, так пришлось на уловки идти. Сказал ей, что в город за материалами подался.

Александр не успел спросить ни кто такая Машка, ни за какими материалами надо ехать на ночь глядя, а Миха уже пояснял шёпотом, как будто это являлось страшной тайной:

– Машка ревнивая – жуть! Отпустила его только на пару с Платонычем. Тому, как бывшему учителю, доверяет. Да ты, наверное, помнишь Платоныча.

– Я? Нет... с чего бы мне...

– Должен помнить. Сан-Платоныч... ну?

– Сан-Платоныч... Санта-Планыч... подожди-подожди...

– Ну? Учителем по труду в школе был. А ещё физру и астрономию по совместительству вёл.

– Что-то припоминается... но туго, – Саша сосредоточился, пытаясь вспомнить хоть кого-то из учителей той давней и короткой поры детства, но безуспешно... – Деда Мороза помню на ёлке.

– Так это он и был! – радостно и облегчённо выдохнул Михаил, а вслед за ним с уточнениями встрял и Серёга:

– Платоныч у нас всегда Дед-Морозом был. Да?

– Точно. – Кивнул Миха, успокоенный, что Сашка из города всё-таки припомнил учителя, которого в селе каждая собака знает. – Как школу закрыли, так все учителя и разъехались. Кажись, один только Платоныч и остался.

– Ну нет... Марья... да эта... как её... Галоша.

– Галина Юрьевна? Они не в счёт – пенсионерки, – рассудил Миха.

– А... ну, тогда один Платоныч.

Саша даже не пытался вникнуть в суть воспоминаний уже подвыпивших и ностальгирующих по детству парней, ему всё-таки хотелось встретиться и подробно поговорить именно с Толяном, с которым его связывала детская дружба.

– Так его не будет, – уныло перебил их Саша, – или как?

– Или как, – откликнулся более разговорчивый Михаил. – Машка их на автобус проводила, так они круг метнутся да последним рейсом и назад. Во жизнь-то!

– Да, – удивился Саша действительно странным запутыванием следа Толяном перед собственной женой – теперь он уже не сомневался, кто такая Машка.

За обильно уставленным столом пили, закусывали. Уже и шашлыки успели сделать, уже и остыть шашлыки успели, как наконец дверь распахнулась и на пороге нарисовался возбуждённый Толян:

– Оба-а-а... И без нас? И тихо, как в гробу? Это что за мальчишник такой, ё... ..? А ну, заходи, девочки! Гулять, так гулять!

Ввалилась толпа разухабистых бабёнок и сразу затянула залихватскую песенку. Пляски, притопывания, повизгивания, басовитые подголоски подхвативших песню мужиков, звон бокалов, хохот... всё смешалось в вихре безудержного веселья.

Среди довольно помятых лиц женщин сразу бросалось в глаза очень свежее, милое и слегка растерянно озиравшееся по сторонам лицо молодой девушки. Она тоже громко голосила в тон подругам одну за другой песенки, топала каблуками и потрясала плечами так, что грудь ходила ходуном.

Толян, сразу присевший рядом с Сашей и выпивший залпом три рюмки подряд, наконец расслабился, вытянул под стол длинные ноги и только начал закусывать, как мимо пролетела в вихре разругавшаяся молодуха.

– А ну-ка, Любашка, стой! Ты-то как сюда попала? А?!!! – Он схватил её за подол и притянул к себе поближе. – Кыш домой, зелень! Не доросла ещё!

– Отстань! – пискнула девушка, а сама метнула свои чёрные глазищи на Сашу и засмеялась. – Ишь, командир!

– Оставь её, Толик. – Наклонилась над Толяном толстая кудрявая блондинка с блестящими красными губами. – Пусть маненько тут... уж больно уговаривала... на городского хотела посмотреть.

Толстуха захихикала, когда Толян ущипнул её за вываливающуюся грудь, и помчалась дальше, увлекаемая сильными руками распяляющих свою кровь самцов. А Толян, всё ещё крепко держа Любашку за подол, притянул её ещё ближе к себе и процедил:

– Чтобы духу твоего через час тут не было! Ясно?

– Ясно, – обидчиво ответила девушка, а сама снова беззастенчиво долгим взглядом измерила Сашу и спросила его. – Может, потанцуем?

– Может и потанцуем, – с улыбкой ответил Саша, вдруг вообразив эту хорошенькую, плотную, как наливное яблочко, девушку в своих объятиях. Ему и в самом деле неудержимо захотелось поладать эту аппетитную молодуху с чёрными, будто маслянистыми загадочными глазами, так и тянущуюся к нему.

– Санька, ты это... гляди, – шепнул ему на ухо, когда тот протискивался мимо, загадочный дружок, – мала она ещё...

Но Сашка уже ни о чём не думал. Чёрные глаза, не отпускающие его ни на секунду, увлекли его за собой, как в омут. Не успел он прижаться к разгорячённому, пышущему жаром телу, как кто-то вырубил музыку.

– Ну-у-у... – разнеслось из разных уголков зала. – Так нельзя... только начали...

– Вот именно! – скомандовал Толян. – Ещё только начало, а у вас тут... кажется, у кого-то уже и кульминация, ё... .. Давайте посидим, поговорим. Познакомимся, в конце концов, по-человечески! Ну-ка, наливай!

К рассевшимся вокруг стола присоединились те, кто выходил покурить на улицу. Толян распоряжался выпивкой, Валера следил за обновлением закусок. За столом текли разговоры, всё больше на тему объединявшего всех прошлого, потому что, как оказалось, почти половина из тех, кто находился здесь, были уже не деревенскими, они специально приехали сюда по приглашению Валеры и вспоминали, кроме всего прочего, уже не раз до этого проведённые совместные посиделки.

Как-то само собою получилось, что Любашка оказалась рядом с Сашей. С одной стороны от него сидел Толян, а с другой – она. Толян, разливая водку, наливал ей каждый раз понемножку, тут же разбавляя лимонадом. К Саше он претензий не имел, т. к. он и Любашка сидели смирно и прилично, ничем не выдавая связывающую уже их тайную страсть. Левые свои руки и Саша, и Любаша завели за спины, взялись нежно друг за друга и гладили, гладили, гладили бесконечно пальцами пальцы, переплетая, перебирая их, сжимая, отпуская и вновь сжимая. Правые руки их лежали кистями на столе, в нужный момент поднимали рюмки, брали вилки, угощали друг друга спелыми виноградинами или дольками почищенных мандаринов.

Эти невинные вроде бы прикосновения рук за спинами, там, где никто их не мог увидеть, потому что они сидели на узком диване, доставляли Саше неизъяснимое удовольствие. Видно было, что и Любаше необычайно приятно такое тайное общение со взрослым парнем. Время от времени она поднимала глаза от своей тарелки и ловила его затуманенный взгляд, полный неги.

Они одновременно придвинули плотнее и до того касающиеся друг друга ноги. Любашка скинула туфлю и обвила своей ножкой Сашину ногу, зацепившись пальцами ниже его щико-

лотки. Такого удовольствия Саша ещё никогда не испытывал. От чего? От прикосновения пальцами пальцев? От ноги без туфли, покоящейся на его ноге?

Внешне они выглядели совершенно невинно, и только внимательный взгляд мог бы заметить пылающую внутри страсть. Но внимательных взглядов вокруг не было. Вернее, всё внимание всех взглядов было сосредоточено на том, что лично каждого волнует. Мужчины и женщины уже разбились парами, алкоголь в крови лишь подогревал желания, и никому больше не хотелось вести никаких бесед.

Веселье, шум, музыка – вот чего желала душа. Потому что под шумок можно было незаметно уединиться в одной из пустующих комнат, выйти на улицу будто бы проветриться, так же незаметно вернуться через некоторое время с уставшим, но счастливым видом, и продолжить мальчишник, праздник пошленький, оставляющий после себя, как правило, довольно гнусные воспоминания, но всё равно, может быть, даже этой пошлостью и гнусностью и привлекательный. Праздник долгожданный, редкий – дай бог один-два раза в жизни – и воспринимаемый в дальнейшей семейной жизни (ведь большинство участников мальчишника – женатые мужики) как некий сон эротического содержания, в котором он, человек, которому этот сон снится, ну вот ни капельки не виноват. Сон есть сон, за него ни перед кем не надо ни краснеть, ни держать ответа.

Саше хотелось, чтобы гул голосов за столом, звон тарелок, рюмок, вилок и ножей, весь этот гул многолюдного праздника никогда не кончался. Интуитивно он чувствовал, что дальше этих удовольствий с Любашей у него ничего не произойдёт. Она действительно была девушкой, случайно попавшей сюда, и не должна окунуться в грязь непристойных человеческих отношений, о которых и взрослому-то, выдавшему виды человеку, не хочется вспоминать как о том, что было не во сне, а наяву. Он сидел бы так и час, и два рядом с прелестным созданием, рядом с готовым вот-вот распусться нежным цветком, к которому ещё пока никто не прикасался. Никакой похоти не было в этом общении, Саша чувствовал лишь пульсирующее волнение в груди, в голове, затянутой туманом, и не давал волнению опуститься ниже живота.

Какая девушка! Казавшиеся в полумраке чёрными глаза оказались синими. Густые каштановые волосы выбились из высоко поднятой причёски и прядями спускались на плечи. Белая кожа, тонкий румянец... господи, какая нежная, полупрозрачная кожа, без малейшего изъяна! Щёчки пухлые, зубки белые, всё своё, так щедро отпущенное ей природой. Райское яблочко, персик, налитый сладчайшим нектаром, манящий, притягательный. Понимает ли она сама, как она хороша?

Саша поймал ускользающее от него вчера ощущение, когда в детстве он был влюблён в «милого Светика». Она тоже была, как налитый соком плод, только у неё ещё были ямочки на щеках, когда она улыбалась.

– Сашка, спишь, что ли? – крикнул у него над ухом Толян, опекаемый толстой блондинкой.

Музыка уже вновь гремела, пары покачивались в ритме медленной песни. Любаша сидела смирно, успев выдернуть у него из руки свою ладошку и уже обувшись в скинутую до того туфлю.

– Пошли выйдем. – Кивнул Толян в сторону выхода и стал пробираться между танцующими, пристроив виснувшую на нём блондинку к свободному партнёру.

Саша с Любашей встали и тоже пошли к выходу. У самого порога Любаша, встав на цыпочки и пользуясь тем, что вокруг пока был шум и ничьи уши, кроме Сашиних, ничего не слышат, шепнула:

– Я тебя люблю.

Кровь бросилась ему в лицо, а удовольствие, прежде струящееся исключительно в районе груди, разлилось повсеместно, в том числе мощно отдалось внизу живота.

– Ч-ч-чёрт! Сигареты забыл! – вскрикнул Толян и бросился обратно в дом, захлопнув за собой дверь и оставив парочку на крыльце, освещённом рассеянным светом от зашторенных окон.

Любаша подняла руки и обвила шею Александра. Её губы коснулись его губ, и он не смог не ответить на её трепетное прикосновение. После краткого поцелуя он отодвинул своё лицо, вглядываясь во вновь почерневшие и ставшие масляными глаза Любаша, погладил её волосы, нежную, будто светящуюся изнутри щеку. Она взяла его руку и положила на свою грудь:

– Я люблю тебя.

– Любаша...

– Ну же...

Он чуть сжал ладонь, покоящуюся на её груди, и потерял голову. Эта грудь, плотная, круглая, высокая, она тоже напоминала плод, готовый брызнуть распиравшим её соком. Стиснув грудь, ничем, кроме тонкого шёлка, не прикрытую, он другой рукой прижал готовую отдаться хоть сейчас ему девушку к себе, провёл с дрожью по плечу, по такой же плотной крупной руке, поймал кисть, мгновенно просунувшую свои пальчики между его грубых пальцев и ответивших сильным пожатием. Их губы вновь нашли друг друга, и в этот момент появился Толян:

– Оп-п-почки-и-и... вот именно...

Любаша с усилием оторвалась от Саши и нехотя чуть отступила. Он же всё ещё был без ума от этой плоти, так и стремящейся доставить ему неземное блаженство.

– Иди, Любушка, домой, – раскачиваясь с носков на пятки, произнёс ласково Анатолий. – Иди, детка.

– Не называй меня деткой! – со злостью и со слезами в голосе закричала Любаша. – Это не твоё дело!!!

– Ты хоть представляешь, сколько ей лет? – шепнул он, наклонившись к Саше.

– Я его люблю! И он заберёт меня отсюда! Ведь правда, Сашенька, милый? Ведь ты тоже... ведь не можешь же ты... Ну...? Ну посмотри на меня!

– Тебе нет ещё и шестнадцати, – грубо оборвал её Толик.

– Он врёт!!! Не слушай его! – Слёзы уже лились по её щекам, она обмякла, будто её уличили в каком-то преступлении, а когда Саша попытался пожалеть её, она разревелась в голос. – Всё равно я уеду отсюда! Хоть с кем! Хоть куда! К чёрту на кулички!

– Уедешь, уедешь, – кивая головой и укоризненно глядя на Сашу, сказал Анатолий. – Ты же не хочешь, как сестра твоя, закончить?

– А может хочу! Тебе-то какое дело?

Она ревела, по щекам катились чёрные слёзы, и взрослая девушка превращалась в преждевременно созревшую, но всё ещё глупенькую и наивно верящую в сказки про принцев девочку. Хотя и звучал ещё надрыв в её ставших более спокойными рыданиях, но по всему было видно, что она смирилась со своей сегодняшней участью – остаться всё той же деревенской, никому не нужной девчонкой. А ещё ей надо отправляться домой к вечно пьяной, грязной и нелюбимой матери, которой до неё и дела-то нет. И которая скорее бы обрадовалась, чем расстроилась, если бы дочь вдруг неожиданно исчезла.

Саша, ещё не остывший от недавнего возбуждения, ошалело глядел на девочку-женщину, так нечаянно и быстро созревшую в этой глухой глубинке.

«Как Светик... как милый, милый, родной, любимый, незабываемый Светик... Такая же пухленькая, плотненькая... вкусенькая... только без ямочек на щеках...»

Чтобы окончательно развеять наваждение, чуть не толкнувшее его на преступление по отношению к ребёнку, он шагнул к бочке со всё ещё не слитой на зиму водой. Окунул руки, ополоснул лицо, потом и вовсе нагнулся вниз, почти полностью погрузив в ледяную воду голову.

– У-у-ух! – Встряхнулся, как животное, вынырнувшее из реки.

Любаша попятилась от холодных брызг, а он взял её за руку, притянул к себе поближе и стал умывать её лицо с размазанной косметикой.

– Милая, милая Любаша, девочка ты моя, не плачь, всё будет хорошо, – приговаривал он, смывая её грязные слёзы и охлаждая покрасневшие веки. – Ну, ты веришь мне?

Он чувствовал себя обязанным защитить, обласкать испуганное, глупенькое существо, так доверчиво бросившееся в объятия первого встречного. Ему даже самому стало страшно от того, что вместо него мог на этом месте оказаться какой-нибудь подонок, который не задумываясь взял бы и растоптал нежный цветок, а потом бы ещё и посмеялся.

– Ты меня презираешь? – Подняла на него мокрое лицо Любаша.

Боже, как хороша она была! Без косметики она стала ещё лучше. Нежное девичье лицо, всё в полутонах, без резких переходов и ярко очерченных линий. Саша пригладил её мокрые волосы, поцеловал её в щёку и сказал:

– Нет, конечно.

– Но ведь я вела себя плохо?

Саша вздохнул – он не знал, что ответить этому милому ребёнку, не желающему больше жить так, как она жила до этого. Но и жить по-другому ей ещё рано – налицо тупик, из которого вроде бы нет выхода.

– Ладно, ничего страшного не произошло, – раскурив наконец сигарету, проговорил Толян, глубоко и часто затягиваясь. – Иди, чай, не заблудишься. Кстати, вон твоя куртка – на перилах.

– Спасибо, – послушно пробормотала Любаша и пошла одеваться, в тонкой блузке на улице действительно было зябко, и у неё уже начал от холода подёргиваться подбородок. – А вы обо мне плохо не думайте, – вновь обратилась она к Саше. – Я совсем даже не такая.

– Хорошо. – Кивнул Саша, помог ей одеться и оглянулся на Толяна. – Я провожу.

– А! – Толян махнул рукой и отвернулся.

Огонёк от его сигареты то вспыхивал красной точкой, то исчезал. Но Саша с Любашей не оглядывались назад, они, низко склонив головы, шли к маленькому домишке в самом конце улицы. С тёмными окнами, покосившемся и как будто подпиравшему такой же покосившийся, но только в другую сторону, фонарный столб с разбегающимися от него в разные стороны проводами.

– А вы мне очень, очень понравились, правда, – уже у самого своего дома, вновь подняв на него свои чёрные глаза, сказала Люба. – Это неправда, что я за любого встречного...

– Я знаю, Любаша. Ты очень хорошая.

– Нет, наверное, я плохая.

– Не говори так. Тебе просто надо подрасти.

– Ага, все хорошие парни тогда уже женятся. Мне что, навеки в этой дыре пропадать?

Саше стало жалко девчушку, которая не видит иного пути выбраться из глуши и нищеты, кроме как с кем-нибудь сбежать из дому.

– Знаешь что, – с воодушевлением сказал он. – Давай пообещаем друг другу, что достойно дождёмся того времени, когда ты вырастешь.

– Правда? – В её глазах блеснул огонёк. – Значит, я вам тоже, хоть чуточку, понравилась?

– Очень понравилась! Ты даже не представляешь, как понравилась. Ведь ты необыкновенно красивая девушка.

Видно, ей нравились комплименты, она улыбнулась, а потом решительно произнесла:

– Клянусь, я буду ждать вас, сколько надо. Вы за мной приедете?

– Э... да. – Кивнул Саша в замешательстве, хотя только что сам и предложил ей поклясться в верности.

– Нет, вы поклянитесь.

– Клянусь, – сказал он и, увидев неподдельную радость в её глазах, не пожалел о бездумной клятве.

Конечно же, эта девочка и не подумает несколько лет дожидаться того, кого она, в общем-то, совершенно не знает. Чуть повзрослеет – и выскочит замуж за какого-нибудь рубаху-парня из её же окружения. Займётся домашним хозяйством, народит кучу ребятишек. Будет рано вставать и поздно ложиться в погоне за иллюзией, что непосильным трудом и строжайшей экономией добьётся вожелённого благополучия. Будет таскать тяжёлые ведра, ворочать мешки, будет сгребать навоз, полоть грядки, раздавая попутно шлепки или оплеухи мешающим трудиться сопливым детям. Её сильные руки станут грубыми, лицо обветрится, взгляд постепенно приобретёт сердитое выражение. Её фигура обрюзгнет, душа перестанет рваться ввысь, и к 30-ти годам, а то и раньше, она превратится в заурядную деревенскую бабу неопределённого возраста с детьми-подростками – дай бог, чтобы не проклинающими своё родное гнездо и не мечтающими любыми способами сбежать из постылого места.

«Милый Светик... милый Светик... – Саша возвращался в дом Валеры, не замечая, что шмыгает отчего-то вдруг ставшим заложенным носом и моргает сверх меры щиплющими по непонятной причине глазами. – Такая же была свежая... аппетитная... румяная, с сияющими от счастья глазами... с ямочками на щеках... красавица...»

Он не хотел видеть образ повзрослевшего и уже чуть состарившегося Светика, ошеломившего его при случайной встрече. Образ непорочной милой девочки, образ Светика из детства и образ отчаянной Любаши, попытавшейся наивной хитростью заманить его в свои пока ещё неопытные сети, объединились у него в единое целое. Прелестная девочка, девочка-мечта, счастье, надежда, девочка-мгновение – чуть сморгнёшь, и мимолётная молодость уже превращается в дымку, через которую проступают морщинки, зрелость, преждевременная старость... Нет, это несправедливо! Так не должно быть!

Вернувшись в дом, уже ходящий ходуном от безудержного веселья и вседозволенности, Саша подошёл к столу, налил себе полный стакан водки и, не отрываясь, выпил всё до дна. Услышал одобрительный крик – мужики, улыбаясь, тоже потянулись за стаканами. Разбегающимися в разные стороны глазами Саша смог увидеть Толяна, что-то возбуждённо обсуждающего с двумя другими парнями – кажется, Михой и Серёгой, а также пожилого мужика, уже почти седого.

Он встряхнул мутной головой – нет, точно в этой кучке одни мужики, а ведь он был уверен, что Толян забавляется сейчас с толстой блондинкой...

– Ну что, Санёк? Давай-ка в люлю. – Встал Толян, видя, что Саша еле держится на ногах. – Эка тебя...

– Подожди, – Саша заупрямился.

– Ну? – Ласково поглядел на него почти трезвый Толька Парамонов, а на самом деле будто папаша Тольки Парамонова, на которого тот шибко был похож в детстве.

– Толян, ты?

Парни заржали, а старик, прищурившись на Сашу, сказал:

– Нет, не помню.

Саша дёрнулся в сторону старика:

– А ты кто?

– Дед Мороз, – засмеявшись, ответил тот.

Парни опять заржали. Саша махнул на них рукой и побрёл в сторону своей спальни, поддерживаемый Толяном. Перед тем, как улечься, Саша ещё успел поерепениться, отталкивая Толяна и вопя:

– Выпить хочу! Хочу – и всё!

Но Толян был негибким:

– Хватит.

И Саша, чувствуя, что уже проваливается в сон, но желая ещё поцепляться за незакончившийся мальчишник, строго спросил, отчего-то вдруг вспомнив про кусок золота из найденного клада:

– Ты обещание своё помнишь, Толян?

– Помню, помню.

– Смотри. Где золото?

– Тс... что кричишь? Всё путём.

– Где, спрашиваю. Покажи.

– Бес знает, – хохотнув, ответил Толян и укрыл друга одеялом.

Саша соорудил презрительную гримасу от непонятного юмора, тут же сдвинул строго брови:

– Бес, говоришь? Какой, к чёрту, бес?

– Обыкновенный, Санёк. С рожками, с хвостом. Спи, гигант русской мысли. Историческая наука не простит нас, если с тобой что случится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.